

УДК 821.161.1(09)-3
doi 10.17072/2073-6681-2024-1-89-97

EDN ZPQYRD

Рассказ «Старый учитель» В. С. Гроссмана: анализ мотивной и лексической организации текста

Алёна Викторовна Богданова
учитель русского языка и литературы
МБОУ СОШ № 4

141733, Московская область, г.о. Лобня, ул. Чайковского, 2. gansgorn85@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1884-7037>

Статья поступила в редакцию 11.05.2023

Одобрена после рецензирования 01.09.2023

Принята к публикации 01.12.2023

Информация для цитирования

Богданова А. В. Рассказ «Старый учитель» В. С. Гроссмана: анализ мотивной и лексической организации текста // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 1. С. 89–97. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-89-97

Аннотация. Статья посвящена анализу лексического и образного строя рассказа В. С. Гроссмана «Старый учитель». Данный текст автор рассматривает в контексте произведений литературы, затрагивающих тему Холокоста. Анализируются лексические средства создания образов ключевых персонажей рассказа. Автор приходит к выводу о том, что в изучаемом произведении основным композиционно-стилевым приемом является противопоставление, отбор языкового материала определяют оппозиции свет/тьма, молодость/старость, жизнь/смерть, на основании антитезы раскрывается образ главного героя, который показан в со- и противопоставлении с другими персонажами. В рассказе присутствует мотив страха, реализуемый посредством активного лексического и деривационного повтора слов и словосочетаний с выраженной семой страха, что позволяет считать мотив концептуально значимым. Семантическая оппозиция жизнь/смерть и сопряженная с ней свет/тьма определяют выбор средств для изображения объектов противопоставления, главным из которых в тексте становится метафоризация. В статье рассмотрены функции, которые выполняют метафоры в тексте произведения (изобразительная, когнитивная, перспективная). В ходе анализа выделена лексико-семантическая группа слов с общим компонентом «время», повторяемых при характеристике героев, а также в начале и в финале текста, что позволяет делать вывод о значимости этого концепта для художественного пространства произведения. Исследуя образный строй рассказа, автор выявляет черты, свойственные идиостилю В. С. Гроссмана. Посредством анализа текстовых доминант определяются важные характеристики личностей ключевых персонажей, а также концептуально значимые для художественного мира писателя реалии.

Ключевые слова: В. С. Гроссман; «Старый учитель»; антитеза; Розенталь; Холокост; лексический повтор.

Введение

Рассказ «Старый учитель», написанный в 1943 г. и опубликованный в журнале «Знамя», – одно из первых художественных произведений в русской и мировой литературе, посвященных Холокосту. Трагедия еврейского народа во время

Второй мировой войны до сих пор остается одной из самых животрепещущих тем в любой национальной литературе. В основе таких произведений – личная трагедия человека, «который выступает просто жертвой, ибо его существование, а вернее, его обреченность никак не зависит

ни от его поведения, ни от деятельности, ни от личных качеств» [Карасик 2013: 181]. Зачастую такие произведения автобиографичны: их авторы или сами жили в гетто, или были узниками концлагерей (например, повести с документальной основой Марии Рольникайте, всемирно известный дневник в письмах Анны Франк, книга Примо Леви «Человек ли это?»). Из русскоязычных авторов, обращавшихся к данной теме, можно назвать И. Эренбурга, в соавторстве с В. Гроссманом написавшего «Черную книгу», И. Каменковича («Жить воспрещается»), А. Рыбакова с его романом «Тяжелый песок». Рассказ В. Гроссмана был написан в то время, когда идеологема «Холокост» была еще неизвестна, в тексте идет речь о страшной участи, постигшей в годы ВОВ не только еврейский, но и русский и украинский народы. Но реалии, изображенные в тексте – жизнь героев на окраине оккупированного города, казнь евреев в конце произведения, монологи протагониста о судьбе еврейского народа, наталкивают на мысль и том, что трагедия Холокоста имеет важное значение в художественном пространстве данного текста. Кроме того, в рассказе раскрывается ряд тем, нашедших отражение в художественном мире Гроссмана: свобода и рабство, материнство и тончайшая связь матери и ребенка, отношение к религии, предательство, жизнь еврейского народа в период Великой Отечественной войны, сохранение человеческого достоинства и чистоты души перед лицом испытаний. Рассказ «Старый учитель» не раз попадал в поле зрения литературоведов. Так, А. Г. Бочаров, упоминая о рассказе в контексте военных произведений Гроссмана, приходит к выводу, что в «Старом учителе» автор постигает важную истину, которая впоследствии найдет отражение в книгах об испытаниях военного времени К. Воробьева, В. Семина, С. Злобина – «тотальному бесчеловечию фашизма должна противостоять человечность» [Бочаров 1990: 145]. Ю. Волохова проводит сверку четырех вариантов рассказа с архивной машинописью и на основании выявленных расхождений делает вывод о метаморфозах, которые произошли с образами главных героев: от машинописного текста и до поздних вариантов Борис Исаакович Розенталь «проходит путь» от хасидского цадика до человека доброго, но слабовольного, а Виктор Вороненко – от человека, поступками которого руководят личные мотивы, до героя, открыто противостоящего немцам [Волохова 2019: 82]. Ко времени создания рассказа В. Гроссман – военный корреспондент, автор, в чьей художественной манере сочетаются элементы поэтики соцреализма со «своеобразным эффектом многоголосия», который находит отражение уже в

раннем романе «Степан Кольчугин» [Дегтева 2012: 62]. Но, несмотря на внимание исследователей к творчеству Гроссмана, подробному лексико-семантическому анализу рассказ «Старый учитель» не подвергался. Цель нашей статьи – выявление лексических средств, с помощью которых выражаются идейное содержание произведения, черты идиостиля автора, сквозные мотивы и образы художественного мира В. Гроссмана.

Архитектоника текста

Рассказ состоит из 4 частей, каждая из которых представляет собой композиционно завершённый фрагмент, описывающий важное событие, их последовательность составляет сюжетную основу произведения. Название – одна из важнейших текстовых категорий, сильная позиция, которая требует особого внимания исследователя. Лексема «старый», вынесенная в название рассказа, указывает не только на возраст, но и на мудрость и жизненный опыт главного героя, а также дает начало семантической цепочке, взаимодействие элементов которой создает семантическую композицию текста, необходимую для понимания замысла автора [Виноградов 1980: 73]. Весь текст пронизан лексическими повторами – важнейшими средствами создания когерентности, одного из способов раскрытия авторского замысла. Характеризуя главного героя, автор выделяет значимый для всего текста концептуальный образ времени, представленный лексическим повтором: обесцвечено временем; мысль, не подвластная времени. Содержательная наполненность этого образа подчеркивается ключевыми словами данного семантического ряда: «восьмидесятидвухлетняя жизнь», прожитая Розенталем; доктор Вайнтрауб знаком с учителем почти пятьдесят лет; «жестокая любовь», пережитая шестьдесят лет назад; «пятьдесят лет он был школьным учителем», «старый учитель», «старик Вайнтрауб», «старик Розенталь», «старый доктор», «старухи». В тексте также представлено лексико-семантическое поле со значением *молодость*: «шестилетняя Катя», «он снова молод», «молодая красавица Даша», «детские глаза», «мальчишки». Так, ключевые слова, содержащие сему *время*, составляют семантическую доминанту текста и даже образуют значимую оппозицию «молодость/старость». Отчасти антитеза объясняется реалиями жизни – в городе во время войны остались пожилые люди, женщины и дети, так как взрослые дееспособные мужчины ушли на фронт. Образ старика Розенталя на протяжении всего текста находится в со- и противопоставлении с образом шестилетней Кати Вайсман. Неслучайно и начинается, и заканчивается текст картинами,

изображающими этих героев вместе «во внезапно пришедшей тишине». В начале текста читаем: «Ему вновь захотелось понять вечно удивлявшее его чудо человеческой доброты, он хотел вычитать его в этих детских глазах» [Гроссман 2018: 144]. «В финале, накануне казни, Розенталь подводит итог своей жизни: в эту ночь впервые ему были безразличны давно ушедшие из жизни люди, страстно ему хотелось одного лишь – чуда, которого он не мог понять, любви» [там же].

Таким образом, эти композиционные части сближаются на основе слов, содержащих общие смыслы, а семантические ряды обрамляют текст, образуя кольцевую семантическую композицию. Концептуально значимым представляется это сопоставление в контексте идеи о связи поколений: старик должен передать свои мудрость, опыт, знания ребенку, в этой преемственности смысл жизни. Но в художественном мире Гроссмана образ пожилого человека с ребенком на руках трагический: гибнут Борис Исаакович и Катя, умирают в газовой камере герои романа «Жизнь и судьба» Софья Осиповна и маленький Давид. Розенталь в ночь накануне расстрела мечтает о чуде, которого он не мог понять, любви, а Софья Осиповна перед самой смертью смогла ощутить себя матерью и «постичь чудо отдельного человека» [Гроссман 1999: 443]. Так, лексико-семантическое поле «время» отражает содержательно-концептуальную информацию, позволяет обозначить сквозные образы, которые появятся в более зрелых произведениях автора.

Кульминацией становится последняя часть, в которой повествуется о казни евреев, в том числе Розенталя и маленькой Кати. Небольшой заключительный эпизод, где говорится о том, как партизаны устроили взрыв на паровой мельнице и подожгли запасы сена, собранные фуражирами венгерской кавалерийской дивизии, Бочаров считает «“оптимистическим хвостиком”, прицепленным в угоду редакторам к уже завершённой сюжетной конструкции» [Бочаров 1990: 156]. Действительно, этот фрагмент ярко диссоциирует с текстом рассказа по своей тональности, он пронизан идеей возмездия, о котором говорит старуха Варвара Андреевна, и Даша впервые угрожает предателю Яшке, а сам он прячется на чердаке. А главное – идея очистительного огня от пожара, в котором горит все недоброе, подлое, нечистое, чем заражали немцы человеческие души. Подобных мотивов в предыдущем тексте не было, композиционно и идейно рассказ завершается картиной казни.

Образный строй текста

Функция тропов заключается не только в украшении текста, «они составляют суть творче-

ского мышления» [Лотман 1981: 15]. Словесные образы, появляющиеся в ключевых, узловых точках повествования, неоднородны по составу и противопоставлены друг другу, вступают в бинарные оппозиции. Так, например, при описании сердечного припадка, случившегося с комендантом города майором Вернером, возникают образы страшной тьмы, связанные со смертью, и свободы, которую дает жизнь («мрак надвигающейся смерти», «страшная тьма, которая жила в склеротическом сердце майора» – «сладостное чувство жизни», «сердечные сосуды, освободившись от спазм, свободно гнали кровь»), при этом формируется семантическая оппозиция «жизнь/смерть», выступающая важным смыслообразующим элементом всего рассказа. Наиболее значимой представляется роль образных средств в монологах главного героя, в которых он рассуждает об участи народов, оказавшихся под властью фашистов. Так, начало одного из монологов характеризуется динамикой речевых средств, передающих эмоциональное состояние героя; градация, представленная глаголами семой страха, дважды повторяющимися в указанном фрагменте, усиливает напряжение:

«Больше всего я боялся одной вещи, даже больше, чем боялся, – ужасался ее, покрывался холодным потом при одной мысли о ней. Знаете, того, что фашистский расчет окажется верным. Я уже говорил об этом Вороненко. Я боялся, я ужасался, я не хотел дожить до этого дня, до этого часа» [Гроссман 2018: 167].

Метафоры «в этом холодный, математический расчет, счетоводы просчитались, арифметика зверства», с одной стороны, отражают определенную картину мира, преобразуя ее в соответствии с авторскими интенциями, воплощенными в картине мира героев (Розенталь – учитель математики, поэтому мыслит математическими образами, сравним с репликами доктора Вайнтрауба, пытающегося осмыслить надвигающуюся катастрофу: «Откуда эта духовная инфекция?»), с другой – создают экспрессивный ореол вокруг нейтральных единиц контекста, что придает монологам эмоционально насыщенный характер. Описывая оккупацию мирного города фашистами, автор уделяет все большее внимание образным средствам, которые усиливают эмоциональное напряжение. Так, метафорическое словопотребление зачастую выступает как способ лексико-семантической организации отдельных фрагментов текста, например, активно взаимодействуют метафоры и сравнения: «Гитлеровцы были великой ложью жизни. И всюду, где ступала нога их, из мрака на поверхность выступали трусость, предательство, жажда темного убийства, расправы над слабым. Все темное вы-

зывали они на поверхность, как в старой сказке дурное колдовское слово вызывало духов зла» [Гроссман 2018: 167].

Эмоциональный тон поддерживается обилием книжной лексики, абстрактными существительными. Показательно, что в нескольких контекстах встречается лексема «равнодушие» и синонимичная ей «безразличие»: «Безразличие и равнодушие – великие враги жизни. Я вижу сочувствие многих. Я вижу, конечно, и равнодушные. В нищих духом зрели льстивые слова отречения, рождались мысли о мести за бабью ссору на рынке, за случайно сказанное слово; черствостью, себялюбием, безразличием заражались сердца» [там же].

Очевидно, согласно авторской интенции, равнодушие – это один из самых страшных пороков, который проявляется в пору испытаний. Неслучайно, и Даша Вороненко, узнавшая о гибели мужа, и старик Розенталь в ночь перед казнью мечтают о том, чтобы кто-то разделил с ними их горе. В одном из монологов Розенталя встречаем видоизмененную отсылку к известному принципу государственной власти: «Разделяй, натравливай и властвуй! Возрождать тьму! Натравить каждый народ на соседний, поработанные народы на народы, сохранившие свободу, живущих по ту сторону океана на живущих по эту сторону, и все народы всего мира на один еврейский народ. Натрави и властвуй!» [там же].

Разделить и сделать представителей разных народов равнодушными к беде другого, разобщить их – так представляется герою истинная задача фашистов, их «арифметика зверства». Однако эта задача оказалась невыполнима, потому что и русских, и украинцев, и евреев сплотила общая беда, противопоставить жестокости можно только сочувствие. Описывая пленных, которых немцы гнали через город, автор использует фразеологизм «нести свой крест»: «Но, несмотря на страшные страдания, они несли свой крест и с ненавистью смотрели на сытых, хорошо одетых полицейских, на носящих немецкие мундиры изменников» [там же].

Лексема «крест» употребляется в тексте несколько раз – три раза в значении «воинская награда Третьего Рейха» и один раз в приведенном выше фрагменте в значении «терпеливо переносить страдания, невзгоды, мириться со своей печальной участью» [Мокиенко, Никитина 2007: эл. ресурс]. Очевидно, сочувствие и сострадание вкупе со способностью выдерживать несчастья помогли советскому народу пережить войну и противостоять ненависти фашистов.

Образные средства в тексте рассказа выполняют несколько функций, в первую очередь изобразительную, например, при описании

внешности Бориса Исааковича используются метафоры: «Волосы, и лицо его, и дрожащие пальцы, и тонкая шея – все было высушено, обесцвечено временем, казалось прозрачным, легким, невесомым. И только в глазах была мысль, не подвластная времени».

Представленное в данном фрагменте нанизывание метафорических эпитетов, ряды однородных членов, метафоры – узнаваемые черты идиостиля Гроссмана [Абдуллаева 2022: 102]. В данном случае образные средства служат для визуализации описания, делают образ героя более зримым.

Изобразительная функция тесно связана с когнитивной: метафора актуализирует стоящие за ней представления о мире и категоризирует их [Басилая 1971: 78]. Так, в рассуждении об участии поработанных фашистами народов в речи учителя появляется образ «лестницы угнетения»: «Фашисты создали всеевропейскую всеобщую каторгу и, чтобы держать каторжан в повиновении, построили огромную лестницу угнетения. Голландцам живется хуже, чем датчанам, французам хуже, чем голландцам, чехам хуже, чем французам, еще хуже приходится грекам, сербам, потом полякам, еще ниже – украинцы, русские. Это все ступени каторжной лестницы» [Гроссман 2018: 153]. «А послезавтра будет темно», – говорит Розенталь старухе Вайсман. В данном случае слова героя можно расценивать как метафору скорой гибели от рук фашистов – Розенталь говорит о предстоящей казни. Здесь метафора выполняет проспективную функцию, т. е. подготавливает читателя к определенному повороту сюжета.

Один из сквозных образов текста – образ тьмы, которая связана с приходом гитлеровцев, реализуется повтором слов одной лексико-семантической группы: «мрак надвигающейся смерти», «черносотенный средневековый мрак», «жажда темного убийства», «ночь была темна от тьмы земной». Противопоставлен тьме образ света, огня, неслучайно в заключительной части рассказа автор рисует картину пожара, в котором «горит все недоброе, подлое, нечистое, чем заражали немцы человеческие души».

Семантические оппозиции

Ключевая семантическая фигура, на которой построен рассказ, – противопоставление, причем противопоставленными оказываются концептуально значимые образы. Бинарные оппозиции как универсальное средство познания мира помогают упорядочить сложный жизненный опыт и отражают склонность мыслить противоположностями [Chandler 2002: 93]. Такие диады являются универсальным средством познания дей-

ствительности и имеют глубокие мифологические корни, поскольку были свойственны еще мифологическому сознанию, и для носителя русского языка выступают как особый способ видения мира, «посредством которого воспринимается окружающее людей пространство» [Григорьева 2014: 155]. Противопоставлены понятия «жизнь» и «смерть», жизнь связана со светом, теплом: теплые тихие дни, тепло нагретого солнцем камня, светила научной медицины, смерть – с темнотой: ночь была темна; тьма земная; темное убийство; нет ничего страшней, ужасней, темней смерти; страшная тьма; темные люди; возрождать тьму; черносотенный средневековый мрак; темная подлая провокация. Образы света и тьмы концептуально значимы, бинарная оппозиция «свет/тьма» попадала в зону рефлексии человека на самых ранних этапах развития, характер взаимоотношений этих понятий основан на культурном мифе, уходящем в далекое прошлое, когда оппозиция «свет/тьма» была тесно связана с противопоставлением таких важнейших базовых понятий, как «жизнь» и «смерть» [Садыкова 2007: 10]. Лексемы «тьма/темнота» активно вступают в деривационные отношения и образуют словообразовательное гнездо, что свидетельствует о значимости данного образа в тексте. В словарях зафиксировано несколько значений многозначного слова *темнота*, среди которых «отсутствие света (тьма над городом), плохо освещенное пространство (ночь была темна), невежество (затемнить разум великих народов)» [Ефремова 2000: эл. ресурс]. В тексте они реализованы полностью. Также представлены значения, которые можно отнести к индивидуально-авторским, например, «послезавтра будет темно» – говорит Розенталь о предстоящей казни евреев, «не могу дышать, у меня темнеет в глазах» – комендант о приступе стенокардии. Так, в тексте понятия «смерть» и «темнота» тождественны.

Семантическая оппозиция «жизнь, свет / смерть, тьма», реализованная в тексте, определяет выбор образных средств для концептуализации противопоставленных объектов. Образ фашистов связан в тексте с образом ночи. В тексте создается мифологический образ ночи как периода хаоса, первобытного мрака, времени суток, когда, согласно фольклорной традиции, из первородной тьмы появляются на земле темные сущности. В тексте это темные люди, изменники, слабые духом, рвали и жгли в печах книги Ленина, партийные билеты, письма, срывали со стен портреты братьев. В лексико-семантическом поле, характеризующем ночь, можно отметить лексемы «тьма», «мрак», «темна от тьмы земной». Тьма земная – это и есть слабость духа, трусость,

предательство, т. е. худшие человеческие качества, которые проявляются с приходом гитлеровцев. По мнению Н. Д. Арутюновой, метафора выражает устойчивое подобие, раскрывающее сущность предмета, и в конечном счете его постоянный признак [Арутюнова 1999: 34]. Метафоризация при этом становится ведущим принципом лексико-семантической организации данного текстового фрагмента. Активное построение рядов однородных членов наряду с лексикой высокого стиля, метафорами и сравнениями становится способом выражения авторской точки зрения, изображения гитлеровцев как фольклорной злой силы: «В нищих духом зрели льстивые слова отреченья, рождались мысли о мести за бабью ссору на рынке, за случайно сказанное слово; черствостью, себялюбием, безразличием заражались сердца».

При этом пространство художественного текста расширяется от границ маленького города до больших и малых городов больших и малых государств, что является характеристикой масштабности катастрофы. Создавая свою метафору, автор концептуализирует и собственную метафорическую картину мира; так, в художественном пространстве рассказа важную роль играет авторская метафора, определяющая отношение писателя к фашистам: «Гитлеровцы были великой ложью жизни, противостоять которой может лишь правда и человечность» [Шаваева 2016: 57].

Важным средством характеристики текста является повтор, который служит для создания сквозных характеристик персонажей, мотивов [Николина 2003: 143]. В рассказе ярко выражен мотив страха, представленный повтором лексем и словосочетаний: «страшные страдания», «Виктор там висит, наверное, страшно хочет пить» (так говорит Лида Вайсман, чей разум помутился от горя после смерти мужа, о повешенном Викторе Вороненко), «страшные мысли», «страх расстрела, слишком страшна жизнь, на которую обрекли Украину, их судьба должна страшить всю великую европейскую каторгу», «подлое страшное время», «страшное горе», «тебе будет страшно». Текст рассказа насыщен лексически, деривационными повторами слов, содержащих сему страха, что формирует один из важных мотивов произведения. Сквозной образ страха, выполняющий композиционную функцию в рассказе, служит основой для развертывания основных семантических рядов текста.

Роль стилистически маркированной лексики

Речевая характеристика героев может выступать одним из способов проявления авторской позиции, тем, что Б. А. Успенский называл пла-

ном фразеологии [Успенский 1995: 68]. Авторская оценка происходящих событий и героев в рассказе прослеживается на разных уровнях языка. Описывая Катю Вайсман в начале рассказа, писатель использует диминутивы (*ножки, платице*), создавая образ маленького беззащитного ребенка. В конце текста Катя со спокойным, «бледным лицом взрослого человека, полного снисходительного сострадания» берет на себя роль матери, чьей любви он не знал, для пожилого человека и говорит ему слова, «которые он хотел и жаждал (градация со словами-синонимами усиливает смысл) услышать всю жизнь», просто разрешает его сомнения («как утешить ее, чем обмануть?»); так, на пороге гибели ребенок и взрослый меняются ролями. Тот же уменьшительный суффикс -к- используется и для бытового наименования предателя и дезертира Яшки Михайлюка и его матери Михайлючки, накрывающей дома стол для гестаповцев. Гроссман, мастер детали, дополняет образ героя характеристиками из реплик персонажей. Из речи доктора Вайнтрауба читатель узнает, что предатель Яшка Михайлюк в детстве страдал «вечными поносами», а его отец отравился рыбой. Презрительное отношение к немцам, низкое в их личностях, которые лишены, за несколькими исключениями, индивидуальных черт, подчеркивается описанием изменившегося с их приходом города: среди прочего на главной площади появился общественный туалет «с надписью на русском и украинском языках – “Только для немцев”»; для описания их действий характерна сниженная лексика: «Мотоциклисты *пошуровали* по дворам, забрали поповского индюка, вышедшего разобратсья в конском навозе, *второпях* съели у церковного старосты два с половиной кило меда и *укатили* дальше...».

Безликим немецким солдатам и офицерам противопоставлены соседи старого учителя: «сапожник Борух, остряк и сквернослов, великий мастер модельной обуви, пришел печник Мендель, молчальник и философ, пришел жестянщик Лейба, отец девяти детей, пришел широкоплечий седоусый рабочий-молотобоец Хаим Кулиш». Автор подчеркивает личные или профессиональные качества каждого осужденного на казнь за национальную принадлежность. *Настоящим словом* называет Розенталь решение Кулиша не погибнуть *как баран*. А в речи агронома Коряко, ставшего по своей воле участковым уполномоченным, появляются немецкие *словечки*: «Когда я иду в нах гауз или на шпацир, прошу ко мне не обращаться с просьбами».

В тексте рассказа изображается мировосприятие героев Розенталя, Вайнтрауба, Вороненко, немцев – коменданта Вернера и представителя

гестапо Беккера. Особого внимания заслуживает речевая организация диалога между комендантом и начальником гестапо. Этому разговору посвящен значительный фрагмент текста. Для Беккера убийство ни в чем не повинных людей – это работа, которую нужно хорошо организовать и провести в соответствии с инструкцией. О количествах жертв упоминается как о «статистических цифрах с солидным количеством нулей». Речевые сигналы, определяющие точку зрения персонажей на предстоящую казнь, представлены наречиями «решительно» (Беккер), «нерешительно» (Вернер), «недовольно покашлял» (Беккер – когда разговор касается казни детей). Хорошо образованный, опытный палач Беккер предположительно имеет отношение к руководству в гестапо, описывая наработанные действия по подготовке к казни, он использует местоимение «мы»: «Мы строим дело таким образом, – сказал Беккер». В данном фрагменте актуализируется мотив, который затем станет основным в очерке «Треблинский ад», – сочетание немецкой педантичности и нацистской бесчеловечности и жестокости [Бит-Юнан 2021: 45]. Авторская точка зрения на предстоящую казнь, демонстрирующая бесчеловечность фашистской военной машины, показывается на контрасте занимающих героев событий: после рассуждений о готовящейся операции Вернер сообщает своему адъютанту об улучшившемся самочувствии, чем он обязан доктору Вайнтраубу. Контраст усиливается за счет безэмоционального указания на летний пейзаж; фрагмент выделен автором в отдельный абзац: «И небо было синим, и солнце светило, и птицы пели» [Гроссман 2018: 167]. Многосоюзие и синтаксический параллелизм в описании погожего летнего дня накануне казни подчеркивают трагизм и непоправимость ситуации.

Заключение

Таким образом, взаимодействие различных составляющих лексического уровня определяет смысловую доминанту текста. Лексические и словообразовательные повторы, повторы грамматических форм эксплицируют сквозные мотивы, характерные для художественного мира Гроссмана, которые в дальнейшем найдут отражение в таких произведениях уже зрелого автора, как повесть «Все течет» и роман-эпопея «Жизнь и судьба». Это тема судьбы еврейского народа в период Второй мировой войны, предательства, доброты, значимый образ еврейского святого, мудреца, праведника, черты которого свойственны героям классической русской литературы. Анализ рассказа также позволил выявить черты идостиля автора: изобразительные, метафорические эпитеты имеют оценочный, симво-

лический подтекст, повторы помогают акцентировать внимание на концептуально значимых смыслах текста, а синтаксический параллелизм, многосоюзие, парцелляция делают образы более зримыми. Образ старого учителя математики и философа Бориса Исааковича Розенталя, который раскрывается в со- и противопоставлении с другими персонажами, является знаковым для творчества Гроссмана. Подобно главному герою романа «Жизнь и судьба» Виктору Штруму, Розенталь вынужден был приспособляться и поэтому признает, что «жизнь не удалась ему». Жизненные искания Розенталя схожи с путем, который проходит Иконников – юродивый из того же романа-эпопеи. Герой, которого окружающие считают безумным, в лагере проповедует идею иррациональной, «дурьей доброты, которая продолжает существовать в людях на краю кровавой глины» [Гроссман 1999: 497]. Таким образом, можно предполагать, что старый учитель Розенталь – это предтеча образов главных героев романа «Жизнь и судьба».

Список литературы

Абдуллаева С. Н. Особенности жанрово-стилевой репрезентации авторской позиции в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 168 с.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Басилая Н. А. Семасиологический анализ бинарных метафорических словосочетаний. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1971. 78 с.

Бит-Юнан Ю. Г. Публицистика В. С. Гроссмана в литературно-политическом контексте в 1920-х – 1980-х гг.: автореф. ... д-ра филол. наук. М., 2021. 53 с.

Бочаров А. Г. Василий Гроссман. Жизнь, творчество, судьба. М.: Сов. писатель, 1990. 402 с.

Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980. 360 с.

Волохова Ю. А. «Старый учитель» В. С. Гроссмана: четыре варианта одного рассказа // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 5. С. 85–112.

Григорьева Т. В. Метафорическая бинарная оппозиция как способ языковой интерпретации действительности // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7(336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 155–158.

Гроссман В. С. Жизнь и судьба. М.: СЛОВО, 1999. 700 с.

Гроссман В. С. Старый учитель / Добро вам! М.: Текст, 2018. С. 143–176.

Дегтева В. В. Творчество Василия Гроссмана: современные подходы и концепции // Мир науки, культуры и образования. 2012. № 4(35). С. 62–64.

Карасик О. Б. О Холокосте средствами постмодернизма (романы Дж. С. Фоеера «Полная иллюминация» и Н. Краусс «Хроники любви») // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 2. С. 181–186.

Лотман Ю. М. Риторика // Труды по знаковым системам. Тарту, 1981. Вып. 12. 148 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М: Олма Медиа Групп, 2007.

Николина Н. А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 256 с.

Садыкова М. А. Лингвокультурный анализ мифологизированных концептов «свет/light» и «тьма/darkness» в текстах Священного Писания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2007. 19 с.

Современный толковый словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой. 2000. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/253349/Темнота> (дата обращения: 14.08.2022).

Успенский Б. А. Семиотика искусства. М.: Языки русской культуры, 1995. 360 с.

Шаваева Ф. Я. Языковая и художественная метафоры. Специфика функционирования метафоры в художественном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5, ч. 1. С. 164–167.

Chandler D. Semiotics the basics. Madison Ave. New York, 2002. 307 p.

References

Abdullaeva S. N. *Osobennosti zhanrovo-stilevoy reprezentatsii avtorskoy pozitsii v romane V. Grossmana 'Zhizn' i sud'ba'*. Diss. kand. filol. nauk [Specific features of genre-style representation of the author's position in V. Grossman's novel 'Life and Fate'. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2022. 168 p. (In Russ.)

Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, LRC Publishing House, 1999. 896 p. (In Russ.)

Basilaya N. A. *Semasiologicheskiy analiz binarynykh metaforicheskikh slovosochetaniy* [Semasiological Analysis of Binary Metaphorical Phrases]. Tbilisi, Tbilisi State University Press, 1971. 78 p. (In Russ.)

Bit-Yunan Yu. G. *Publitsistika V. S. Grossmana v literaturno-politicheskom kontekste v 1920-kh – 1980-kh gg.* Avtoref. diss. d-ra filol. nauk [V. S. Grossman's writings in the literary and political context in the 1920s-1980s. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2021. 53 p. (In Russ.)

Bocharov A. G. *Vasily Grossman. Zhizn', tvorchestvo, sud'ba* [Vasily Grossman. Life, Creative Work, Destiny]. Moscow, Sovetskiy Pisatel' Publ., 1990. 402 p. (In Russ.)

Vinogradov V. V. *O yazyke khudozhestvennoy prozy* [On the Language of Literary Fiction]. Moscow, 1980. 360 p. (In Russ.)

Volokhova Yu. A. 'Staryy uchitel'' V. S. Grossmana: chetyre varianta odnogo rasskaza ['The Old Schoolmaster' by V. S. Grossman: Four versions of the novel]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 'Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya'* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: 'Literary Criticism. Linguistics. Culturology'], 2019, issue 5, pp. 85–112. (In Russ.)

Grigor'eva T. V. Metaforicheskaya binarnaya oppozitsiya kak sposob yazykovoy interpretatsii deystvitel'nosti [Metaphorical binary opposition as a way of linguistic interpretation of reality]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie. Vyp. 89* [CSU Bulletin. Series: Philology. Art Criticism. Issue 89], 2014, issue 7(336), pp. 155–158. (In Russ.)

Grossman V. S. *Zhizn' i sud'ba* [Life and Fate]. Moscow, SLOVO Publ., 1999. 700 p. (In Russ.)

Grossman V. S. *Staryy uchitel'. Dobro vam!* [Old Teacher. Welcome to You!]. Moscow, Text Publ., 2018, pp. 143–176. (In Russ.)

Degteva V. V. Tvorchestvo Vasiliya Grossmana: sovremennye podkhody i kontseptsii [Works by Vasily Grossman: modern approaches and conceptions]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya* [World of Science, Culture and Education], 2012, issue 4(35), pp. 62–64. (In Russ.)

Karasik O. B. O Kholokoste sredstvami postmodernizma (romany Dzh. S. Foera 'Polnaya illyuminatsiya' i N. Krauss 'Khroniki lyubvi') [On the Holocaust by means of postmodernism (novels by J. S. Foer 'Everything is Illuminated' and N. Krauss

'The History of Love')]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2013, vol. 15, issue 2, pp. 181–186. (In Russ.)

Lotman Yu. M. *Ritorika* [Rhetoric]. *Trudy po znakovym sistemam* [Works on Sign Systems]. Tartu, 1981, issue 12. 148 p. (In Russ.)

Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [A Large Dictionary of Russian Sayings]. Moscow, Olma Media Group Publ., 2007. (In Russ.)

Nikolina N. A. *Filologicheskiy analiz teksta* [Philological Analysis of Text]: a textbook for students of higher pedagogical educational institutions. Moscow, Academia Publ., 2003. 256 p. (In Russ.)

Sadykova M. A. *Lingvokul'turnyy analiz mifologizirovannykh kontseptov 'svet/light' i 't'ma/darkness' v tekstakh Svyashchennogo pisaniya*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Linguistic and cultural analysis of the mythologized concepts 'light' and 'darkness' in the texts of Holy Scripture. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Izhevsk, 2007. 19 p. (In Russ.)

Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. by T. F. Efremova. 2000. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/253349/Темнота> (accessed 14 Aug 2022). (In Russ.)

Uspenskij B. A. *Semiotika iskusstva* [The Semiotics of Art]. Moscow, LRC Publishing House, 1995. 360 p. (In Russ.)

Shavaeva F. Ya. Yazykovaya i khudozhestvennaya metafory. Spetsifika funktsionirovaniya metafory v khudozhestvennom tekste [Language and literary metaphors. Specificity of metaphor functioning in literary text]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2016, issue 5, pt. 1, pp. 164–167. (In Russ.)

Chandler D. *Semiotics: The Basics*. Madison Ave, New York, 2002. 307 p. (In Eng.)

The Story 'The Old Teacher' by V. S. Grossman: an Analysis of the Motivic and Lexical Organization of the Text

Alyona V. Bogdanova

Teacher of Russian Language and Literature

Secondary General School No. 4

2, Tchaikovskogo st., Lobnya, 141733, Moscow region, Russian Federation. gansgorn85@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1884-7037>

Submitted 11 May 2023

Revised 01 Sep 2023

Accepted 01 Dec 2023

For citation

Bogdanova A. V. Rasskaz «Staryy uchitel'» V. S. Grossmana: analiz motivnoy i leksicheskoy organizatsii teksta [The Story 'The Old Teacher' by V. S. Grossman: Analysis of the Motivic and Lexical Organization of the Text]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 1, pp. 89–97. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-89-97 (In Russ.)

Abstract. The article is devoted to an analysis of the lexical structure and the system of characters in the text of V. S. Grossman's short story *The Old Teacher*. The author of the paper looks at this text in the context of works of Russian literature dealing with the Holocaust. The study examines the lexical means used to create the images of the key characters, the main one of which is an old mathematics teacher living in a city besieged by the Nazis. The author comes to a conclusion that the main compositional-and-stylistic principle in the work under study is opposition, the selection of linguistic material is determined by the oppositions light/darkness, youth/old age, life/death; the main character is depicted with the use of antithesis as he is shown in comparison with and in opposition to other characters. There is a motive of fear in the story, realized through active lexical and derivational repetition of words and phrases with a pronounced sense of fear, which allows us to consider the motive conceptually significant. Through an analysis of text dominants, the study identifies important personality traits of key characters, determines realities that are conceptually significant for the writer's artistic world. The semantic opposition life/death and the opposition light/darkness, associated with the former, determine the choice of means for depicting objects of opposition; the main one of such means is metaphorization. The article discusses the functions that metaphors perform in the text of the story (pictorial, cognitive, prospective). The analysis identified a lexico-semantic group of words with the common component 'time' that are repeated during the characterization of the characters as well as at the beginning and at the end of the text, which indicates significance of this concept for the artistic space of the work. The main character conveys the image of a righteous man, so characteristic of the traditions of Russian literature.

Key words: V. S. Grossman; The Old Teacher; antithesis; Rosenthal; Holocaust; lexical repetition.